

ИЗМЕНА ДРАКОНА

Теперь я тебе
не принадлежу

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Виолетта Весна

Измена дракона. Теперь я тебе не принадлежу

<https://litres.ru/74418124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой муж-дракон привел на семейный прием беременную любовницу.

Я ждала извинений. Объяснений. Хотя бы просьбы о разводе. Но Каэль Вейр предложил другое.

Мне — остаться его женой, сохранить титул и продолжить управлять домом.

Ей — отдельный особняк и место матери его наследника.

— Ты нужна этому дому, Лиара.

Не ему.

Дому.

В ту ночь я сняла брачный браслет и ушла.

Я думала, развод наконец сделает меня свободной.

Ошиблась.

После расторжения брака я узнала, что защитные системы Вейров по-прежнему используют мой магический дар. А в старом брачном договоре обнаружилось приложение, по которому я

обязана еще десять лет бесплатно работать на семью бывшего мужа.

Вот только я никогда его не подписывала.

Теперь мне придется доказать подделку, вернуть профессию, которую я оставила ради брака, и выяснить, кто решил, что моей жизнью можно распоряжаться без моего согласия.

А расследовать дело будет Рейнар Кастен — дракон и королевский инспектор, который сначала не верит ни мне, ни Вейрам.

Содержание

ПРОЛОГ. Ты останешься моей женой	5
ГЛАВА 1. Развод не освобождает	47
ГЛАВА 2. Дом свободных договоров	97
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Виолетта Весна

Измена дракона. Теперь я тебе не принадлежу

ПРОЛОГ. Ты останешься моей женой

К вечеру я перестала чувствовать пальцы.

Не от магии. От того, что последние шесть часов держала в руках то список гостей, то ведомость кухни, то план рассадки, то записки управляющего, который именно сегодня решил выяснить, можно ли перенести ремонт западной галереи на следующий месяц.

Нельзя.

Я объяснила это утром.

Потом повторила днем.

К четырем часам решила, что если он спросит в третий раз, я лично переселю его в западную галерею и предложу пожить там до первого осеннего дождя.

— Госпожа Вейр.

Я обернулась.

Молодая служанка стояла в дверях малого зала и выгля-

дела так, будто собиралась сообщить о пожаре.

— Что случилось?

— Ничего, госпожа.

— Тогда почему у вас такое лицо?

Она растерялась.

— Какое?

— Как у человека, который разбил фамильный сервиз и надеется, что я не замечу.

Девушка побледнела еще сильнее.

Я вздохнула.

— Я шучу, Мира.

— Да, госпожа.

Неубедительно.

— Что нужно?

— Господин Салвер спрашивает, открывать ли северную террасу. Ветер почти стих.

Я посмотрела на высокие окна.

За ними темнел сад, вдоль дорожек уже зажгли первые фонари. Небо было чистым, но воздух к вечеру стал прохладнее. Половина гостей наверняка захочет выйти после ужина, а драконы старших родов терпеть не могли закрытые помещения дольше нескольких часов.

— Открывать. Поставьте жаровни у колонн и попросите кухню перенести туда горячий чай после девяти.

— Да, госпожа.

— И скажите господину Салверу, что цветы с централь-

ного стола на террасу не выносить. В прошлый раз их сдуло в фонтан.

Мира едва заметно улыбнулась.

— Хорошо.

Когда она ушла, я наконец позволила себе опереться ладонями о край стола.

Передо мной лежал план приема.

Сто восемьдесят четыре гостя.

Два посла.

Три главы крупных торговых домов.

Представители земельной палаты.

Драконьи семьи с севера и востока.

Члены королевской комиссии по дорогам.

Половина людей, которых Каэль считал необходимым видеть хотя бы раз в сезон.

Прием был важным.

Я знала это не потому, что муж подробно объяснил.

Каэль вообще редко объяснял очевидное.

Торговый дом Вейров собирался подписать два новых соглашения по северным перевозкам, и сегодняшний вечер должен был показать партнерам, что семья стабильна, богата и способна выполнять обязательства.

Слово «стабильна» в доме Вейров любили особенно.

Оно встречалось в отчетах, письмах, разговорах управляющих и даже в семейных тостах.

Я тоже когда-то считала его красивым.

За семь лет брака поняла, что стабильность обычно означает: если что-то может рухнуть, Лиара должна сделать так, чтобы не рухнуло.

Я закрыла ведомость.

— Госпожа?

На этот раз в дверях стоял Весс, управляющий домом.

— Если вы снова о галерее, я увольняю вас.

Он моргнул.

— Я хотел сказать, что музыканты приехали.

— Тогда пока оставляю.

— Благодарю.

— Разместили?

— Да. Но первый скрипач просит переставить их ближе к восточной стене. Говорит, там звук лучше.

Я закрыла глаза.

— А магический усилитель уже закрепили в западной арке.

— Да.

— Значит, если они переедут, усилитель придется перенастраивать.

— Да.

— Кто будет перенастраивать?

Весс посмотрел на меня.

Я посмотрела на него.

— Вот именно.

— Я скажу, чтобы оставались на месте.

— Спасибо.

Он не уходил.

— Что еще?

— Господин Вейр не прислал сообщения.

Я не сразу поняла, о ком он.

Потом поняла.

— Каэль?

— Да.

— Он должен был вернуться к пяти.

Сейчас было без четверти семь.

— Поезд с северной линии прибыл двадцать минут назад,

— сказал Весс. — Герцога среди пассажиров не было.

Я посмотрела на часы.

Каэль уехал утром на короткую встречу в Саэр. Обещал вернуться задолго до приема.

За семь лет я привыкла к его опозданиям.

Не бытовым.

Каэль никогда не опаздывал на рабочие переговоры, заседания или инспекции. Он мог появиться за десять минут до приема, переодеться и выйти к гостям так, будто именно это и было запланировано.

— Он, вероятно, едет другой дорогой.

— Возможно.

— Если придет сообщение, скажите сразу.

— Конечно.

Весс ушел.

Я осталась одна.

На секунду возникло раздражение.

Не тревога.

Каэль умел заботиться о себе. Он был взрослым мужчиной, драконом, герцогом и человеком, который мог организовать перевозку через половину королевства быстрее, чем я находила собственные перчатки.

Но сегодня он обещал быть дома.

И я рассчитывала на это.

Глупость.

Я взяла бумаги и вышла из малого зала.

До прибытия первых гостей оставалось сорок минут.

У меня не было времени думать о муже.

Большой зал выглядел почти идеально.

Я прошла между столами, проверяя последние мелочи.

Ленты на светильниках.

Состав карточек.

Сервировку.

Работу защитных пластин у окон.

Вот здесь пришлось остановиться.

Один из индикаторов у северной стены мерцал.

Слабо.

Для гостя незаметно.

Для меня — достаточно.

Я присела, убрала декоративную панель и коснулась металлической рамки двумя пальцами.

Внутри системы шел неровный отклик.

Не опасный.

Просто одна линия снова принимала больше нагрузки, чем должна.

— Конечно, — пробормотала я.

Эта секция требовала ремонта еще прошлой зимой.

Олдер, главный мастер, обещал заменить два узла весной.

Потом летом.

Потом сообщил, что новые детали задерживаются.

В сентябре он перестал обещать даты.

Я сняла перчатку и сосредоточилась.

Мой дар никогда не выглядел впечатляюще.

Никаких вспышек.

Никакого огня в ладонях.

Я чувствовала устройство как последовательность напряжений: где система сопротивляется, где поток идет слишком быстро, где одна часть компенсирует слабость другой.

Нашла сбой.

Чуть выровняла распределение.

Не ремонт.

Временная настройка.

Индикатор перестал мерцать.

Я убрала руку.

Пальцы слегка дрожали.

— Госпожа, вы опять сами?

Олдер стоял в нескольких шагах.

Я поднялась.

— А кто еще?

Он поморщился.

— Я проверял утром.

— Утром все было нормально.

— Значит, нагрузка выросла после включения внешних фонарей.

— Значит, эту секцию все-таки нужно заменить.

— Я знаю.

— Вы знаете с февраля.

— Детали...

— Не надо. Сегодня не надо.

Он замолчал.

Я вернула панель.

— До конца приема выдержит?

Олдер подошел и посмотрел на индикатор.

— Теперь да.

— Теперь — потому что я поправила.

Он виновато кивнул.

Я не стала продолжать.

Сегодня мне нужен был работающий зал, а не спор с мастером.

— Завтра принесите мне нормальный план ремонта. С датами и сметой.

— Хорошо.

— И без слова «примерно».

— Постараюсь.

Я посмотрела на него.

— Хорошо. Без слова «постараюсь» тоже.

Он усмехнулся.

— Понял.

Первые гости прибыли ровно в семь.

После этого вечер перестал принадлежать мне.

Я встречала.

Представляла.

Улыбалась.

Следила, чтобы графиня Мерд не оказалась за одним столом с госпожой Таллен после их прошлогоднего судебного спора.

Объясняла представителю торговой палаты, почему Каэль задерживается.

Выслушивала комплименты дому.

Принимала благодарности за приглашение.

Исправляла две ошибки кухни, одну музыкантов и одну посольского секретаря, потребовавшего место ближе к главному столу.

К восьми часам я уже не раздражалась на Каэля.

Для раздражения требовалась свободная мысль.

Ее не было.

Я заметила его только потому, что зал изменился.

Не магически.

Люди просто начали смотреть к входу.

Разговоры не прекратились, но несколько гостей одновременно повернули головы.

Я тоже обернулась.

Каэль стоял на верхней ступени.

Высокий, в темном парадном сюртуке с золотой вышивкой дома Вейров. Волосы после дороги были чуть влажными, лицо спокойным.

Рядом с ним стояла женщина.

Я знала Селену Орс.

Не близко.

Мы встречались на приемах несколько раз.

Дочь землевладельца с юга, двадцать девять лет, хорошее образование, собственная доля в семейном торговом деле.

Красивой ее называли даже женщины, которые обычно не находили красивыми никого моложе себя.

Темные волосы были уложены просто. Платье светло-синее, без слишком дорогих украшений.

Ничего вызывающего.

Ничего такого, что сразу объясняло бы, почему она приехала вместе с моим мужем.

Но Каэль положил ладонь ей на поясницу.

Не для поддержки.

Не случайно.

Очень знакомым жестом.

У меня внутри стало пусто.

На секунду.

Потом вернулся зал.

Музыка.

Голоса.

Свет.

Запах горячего вина и цветов.

Каэль увидел меня.

Я стояла возле центрального стола рядом с главой дорожной комиссии.

Муж чуть наклонил голову.

Обычное приветствие.

Как будто вернулся домой один.

Я закончила разговор.

Не помню как.

Наверное, нормально.

За семь лет я научилась заканчивать разговоры нормально даже тогда, когда на кухне ломался нагреватель или северный гость внезапно объявлял, что его оскорбила форма десерта.

Я подошла к Каэлю.

Селена смотрела на меня.

Не вызываяще.

Скорее напряженно.

Это было хуже.

— Ты опоздал, — сказала я.

— Знаю.

— Я уже дважды объяснила послу Эрену, что ты задер-

жался на переговорах.

— Это почти правда.

— Почти?

Каэль посмотрел на Селену.

Вот тогда я поняла.

Не все.

Но достаточно.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Я улыбнулась.

Не ему.

Пожилой баронессе, проходившей мимо.

— Сейчас?

— Да.

— У нас прием.

— Это важно.

— Все, что сегодня происходит в этом доме, важно.

Каэль не ответил.

Селена опустила взгляд.

Я посмотрела на нее внимательнее.

И впервые заметила то, что раньше приняла за особенностями кроя платья.

Ладонь, которую она почти незаметно держала ниже талии.

Осторожность в движениях.

Не доказательство.

Но я уже знала, что услышу.

Я догадалась раньше, чем успела назвать это словами.

Я повернулась к Вессу.

Он стоял неподалеку.

— Продолжайте ужин без нас. Посол Эрен пересядет на место герцога до второго блюда. Скажите, что Каэль присоединится позже.

Весс посмотрел на мужа.

Потом на меня.

— Да, госпожа.

Я пошла первой.

Не в нашу спальню.

В кабинет Каэля.

Хотя позже мне много раз вспоминалось, что даже тогда я выбрала помещение, где он привык принимать решения.

Каэль вошел следом.

Селена осталась снаружи.

Я заметила это.

— Она не войдет?

— Нет.

— Почему?

— Этот разговор между нами.

Я закрыла дверь.

В кабинете было тепло.

На столе лежали документы, которые я оставила утром: счета, два письма, план ремонта северного крыла.

Обычная жизнь.

Она раздражала меня своим присутствием.

— Говори.

Каэль не сел.

Я тоже.

Он провел ладонью по подбородку.

Редкий жест.

Я видела его перед сложными переговорами.

— У меня отношения с Селеной.

Не «случилось».

Не «я совершил ошибку».

Отношения.

Я услышала и заставила себя принять сам факт.

— Как долго?

— Четыре месяца.

Четыре.

Я машинально вспомнила лето.

Поездки Каэля на юг.

Две ночи, когда он не вернулся из города.

Его объяснение про позднее заседание.

Мое собственное раздражение, которое я потом сочла несправедливым.

— Четыре месяца, — повторила я.

— Да.

— И ты решил сообщить мне сегодня.

— Я хотел сделать это раньше.

Я посмотрела на него.

— Правда?

Он замолчал.

— Не говори мне то, что звучит лучше, Каэль. Сегодня хотя бы не надо.

Его лицо стало жестче.

— Хорошо.

— Почему сегодня?

Пауза была достаточно длинной.

— Селена беременна.

Вот и все.

Я ожидала боли.

Она пришла.

Не красивой.

Не острой.

Просто неприятное давление в груди, будто я слишком долго стояла, задержав дыхание.

Я медленно вдохнула.

— Срок?

— Почти три месяца.

— Значит, ты знал раньше.

— Да.

— Сколько?

— Две недели.

Я посмотрела на часы на стене.

Не знаю зачем.

До следующего блюда оставалось минут десять.

Гости ели в доме, прием продолжался, а я стояла напротив мужа и узнавала, что его любовница беременна.

Мир не остановился.

Мне это показалось почти оскорбительным.

— Ребенок твой?

Каэль нахмурился.

— Конечно.

— Я имею право спросить.

— Имеешь.

— Ты признаешь его?

— Да.

— Наследником?

Он не ответил сразу.

Ответ уже был.

— Да.

Я отвернулась к окну.

В саду светились фонари.

На террасе уже появились первые гости.

Все работало.

Я все сделала правильно.

Сервировка.

Музыка.

Защита.

Жаровни.

Даже ветер стих.

Смешно.

— Лиара.

— Не надо.

— Нужно.

Я повернулась.

— Что именно нужно? Объяснить, почему ты четыре месяца спал с другой женщиной? Или почему решил привести ее на прием, который я готовила для твоего дома?

— Я не собирался унижать тебя.

Я даже не рассердилась.

Пока.

— Ты привез беременную любовницу в дом своей жены.

— Я не хотел, чтобы ты узнала от кого-то другого.

— И поэтому выбрал зал со ста восемьюдесятью четырьмя гостями.

Каэль поморщился.

— Мы приехали позже, чем планировали.

— Какая досада.

— Лиара.

— Что?

— Я понимаю, что ты злишься.

Это наконец задело.

— Нет, Каэль. Не понимаешь. Если бы понимал, мы бы не стояли сейчас здесь.

Он сделал шаг ко мне.

Я подняла руку.

— Не подходи.

Он остановился.

Хорошо.

Хотя бы это.

— Что ты собираешься делать? — спросила я.

— Я уже думал.

Конечно.

Он уже думал.

Я почти рассмеялась.

— Расскажи.

— Ребенок будет признан официально.

— Это я поняла.

— Селена не будет жить здесь.

Я моргнула.

— Что?

— Я приобрету для нее отдельный дом в городе. Она сохранит собственное имущество. Ребенок будет обеспечен. После рождения можно будет решить вопрос с титулом.

Я смотрела на него.

— А я?

Каэль будто ждал этого вопроса.

— Для тебя ничего не изменится.

Вот тогда мне стало по-настоящему страшно.

Не потому, что он угрожал.

Потому что говорил спокойно.

Уверенно.

Он действительно считал это хорошей новостью.

— Повтори.

— Ты останешься моей женой.

Мне понадобилось несколько секунд.

— Ты изменял мне четыре месяца. Твоя любовница беременна. Ты признаешь ее ребенка наследником. И предлагаешь мне остаться твоей женой.

— Да.

— Почему?

Каэль нахмурился, словно вопрос был странным.

— Потому что развод ничего не решит.

— Для меня решит довольно многое.

— Ты сейчас говоришь на эмоциях.

Я почувствовала, как горячими стали щеки.

— Осторожнее.

— Я не пытаюсь тебя оскорбить.

— Тогда очень плохо получается.

Он выдохнул.

— Послушай. Я не собираюсь лишать тебя положения. Ты останешься герцогиней. Твое содержание не изменится. Дом останется под твоим управлением. Если захочешь отдельные комнаты или отдельное крыло, это можно устроить. С Селеной тебе не придется жить под одной крышей.

Я слушала.

С каждым словом становилось легче.

Не лучше.

Именно легче.

Потому что исчезало последнее сомнение.

Он не пришел просить прощения.

Не пришел признавать, что разрушил брак.

Он пришел согласовать новую схему управления.

— Ты уже обсуждал это с ней?

— В общих чертах.

Я закрыла глаза на секунду.

— Селена согласна быть твоей любовницей в отдельном доме, пока я остаюсь герцогиней?

— Она знает, что ситуация сложная.

— Это не ответ.

— Она рассчитывала, что мы разведемся.

— А ты?

— Я объяснил, почему сейчас это неразумно.

— Ей или себе?

Каэль молчал.

Я подошла к столу.

На краю лежал мой список расходов на прием.

Смешно, что я все еще помнила цифры.

Цветы.

Музыканты.

Дополнительная охрана.

Три вида вина.

Сто восемьдесят четыре гостя.

Четыре месяца измены.

Три месяца беременности.

Семь лет брака.

Каэль заговорил снова:

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет.

— Лиара.

— Ты все время говоришь, что понимаешь. Перестань.

Он сжал губы.

— Хорошо.

Я повернулась к нему.

— Скажи правду. Почему ты не хочешь развода?

— Потому что он создаст проблемы, которых можно избежать.

— Какие?

— Дом.

Я ждала.

— Что именно с домом?

— Ты знаешь состояние защитных систем.

— Знаю лучше тебя.

— Вот именно.

Я замерла.

Каэль продолжил:

— После развода доступ к части семейного оборудования изменится. Придется переоформлять полномочия. Контуры потребуют перенастройки. Ты годами занималась этим лучше любого приглашенного мастера.

Я смотрела на него.

В голове наконец соединилось слишком многое.

То, как часто он говорил: «Лиара разберется».

Как управляющий приносил мне счета, хотя формально отвечал перед Каэлем.

Как мастера ждали моего решения.

Как отец Каэля однажды сказал за ужином:

«Вы удивительно хорошо подошли нашему дому».

Тогда я приняла это за похвалу.

— Продолжай.

Каэль явно почувствовал опасность, но было поздно.

— Ты знаешь арендаторов, слуг, поставщиков. У тебя хорошие отношения с земельной палатой. Тебе доверяют. Если сейчас все резко изменить, дом потеряет устойчивость.

— Дом.

— Да.

— Не ты.

Он нахмурился.

— Что?

— Ты все время говоришь о доме.

— Я говорю о нашей жизни.

— Нет. О своем хозяйстве.

— Это и твой дом тоже.

— Пока я управляю им удобно для тебя.

— Это несправедливо.

Я рассмеялась.

Коротко.

Без радости.

— Несправедливо?

— Да. Ты сама выбрала заниматься домом.

Эта фраза ударила сильнее признания об измене.

Я действительно выбрала.

Когда-то.

В первый год брака временно помогла управляющему.

Потом временно взяла на себя переписку.

Временно проверила счета.

Временно перенастроила защиту после сбоя.

Временно отказалась от работы в нотариальной палате, потому что Каэль сказал, что первый год после свадьбы будет сложным.

Потом второй.

Третий.

Седьмой.

Никто никогда не приказывал мне отказаться от собственной жизни.

Просто каждый новый шаг казался разумным.

Полезным.

Нужным.

Я сама ставила галочки напротив задач, пока однажды список задач не стал всей моей жизнью.

— Да, — сказала я. — Выбрала.

Каэль явно не ожидал согласия.

— Тогда...

— И это была моя ошибка.

Он замолчал.

Я опустила взгляд на свои руки.

На правом запястье лежал брачный браслет.

Тонкая золотая полоса с гербом Вейров.

Я носила его семь лет.

Не снимала даже ночью.

Он не был магической цепью.

Обычный символ зарегистрированного брака старого дома.

Когда-то Каэль застегнул его сам после церемонии.

Я помнила его пальцы.

Помнила, как нервничала.

Как думала, что теперь у меня есть семья.

Странно, какие вещи человек считает доказательством счастья, пока не знает, чем все закончится.

Я расстегнула браслет.

Каэль посмотрел на мои руки.

— Что ты делаешь?

— Снимаю.

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Лиара.

Я положила браслет на стол.

Золото тихо ударилось о дерево.

Никакой вспышки.

Никакого магического знака.

Просто металл.

Каэль смотрел на него.

— Не делай глупостей сегодня.

Я подняла глаза.

— Каких именно?

— Не принимай решений в таком состоянии.

— В каком?

— Ты только что узнала...

— Что мой муж четыре месяца изменял мне и ждет ребенка от другой женщины.

Его лицо напряглось.

— Да.

— Очень полезное уточнение.

— Я не отрицаю своей вины.

— Но и не предлагаешь ничего, кроме новой схемы прожигания.

— Что ты хочешь, чтобы я предложил?

Вот он.

Вопрос.

Только слишком поздно.

Я смотрела на человека, с которым прожила семь лет, и пыталась вспомнить, когда он последний раз спрашивал, чего я хочу.

Не что нужно дому.

Не какую ткань заказать в гостевую спальню.

Не согласна ли я перенести поездку.

Не могу ли я поговорить с управляющим.

Чего хочу я.

Не вспомнила.

— Развод.

Каэль не сразу отреагировал.

— Что?

— Я хочу развод.

— Нет.

Слово прозвучало автоматически.

И меня это почти развеселило.

— Нет?

Он тут же понял ошибку.

— Я имею в виду, это неразумно.

— Для кого?

— Для всех.

— Назови одного человека, кроме тебя, которому мой развод создаст личную трагедию.

— Я не говорю о трагедии.

— Именно.

Он шагнул к столу.

— Ты не понимаешь последствий.

— Возможно.

— Лиара, защитные системы...

— Отремонтируете.

— Это займет месяцы.

— Начните завтра.

— Ты говоришь так, будто все можно просто передать другому специалисту.

— А разве нельзя?

Пауза.

Маленькая.

Но я ее заметила.

— Каэль.

— Что?

— Разве нельзя?

Он отвел взгляд.

Вот тогда впервые возникло другое чувство.

Не только боль.

Подозрение.

— Почему ты так уверен, что дому нужна именно я?

— Потому что ты семь лет работаешь с системой.

— Это не ответ.

— Твой дар подходит ей лучше большинства мастеров.

— Насколько лучше?

— Лиара.

— Насколько?

Он молчал.

Я почувствовала знакомую усталость в затылке.

Ту, что появлялась после долгой работы с защитными пластинами.

Сегодня я почти не использовала дар.

Только один раз.

У северной стены.

Но усталость была сильнее, чем должна.

Как часто.

Я вдруг вспомнила слова лекаря два года назад:

«Вы просто слишком много работаете».

Я поверила.

Конечно поверила.

— Что ты мне не говоришь?

— Ничего.

Слишком быстро.

— Каэль.

— Я не специалист по твоему дару.

— Но ты только что сказал, что он нужен дому.

— Потому что это очевидно.

— Нет. Очевидно, что я умею работать с системой. Не очевидно, почему развод так страшен.

Он провел ладонью по волосам.

— Отец говорил, что полное прекращение твоего участия создаст серьезную нагрузку.

Ориан.

Конечно.

— Когда говорил?

— Сегодня утром.

— До того, как ты привез сюда Селену?

Каэль ничего не ответил.

Ответ был очевиден.

— Значит, вы обсуждали мой развод.

— Возможность.

— И решили, что мне лучше остаться.

— Мы решили, что это безопаснее для всех.

— Вы.

— Лиара...

— Ты и твой отец решили, что будет безопаснее для всех, если после твоей измены я останусь твоей женой.

— Не передергивай.

— Я повторяю.

Он впервые повысил голос:

— Ты нужна этому дому, Лиара.

После этих слов мы несколько секунд молчали.

Я смотрела на него.

Он понял не сразу.

Потом лицо изменилось.

— Я не это имел в виду.

— Именно это.

— Я хотел сказать...

— Не надо.

У меня наконец исчезла дрожь.

Очень странно.

Несколько минут назад я едва держалась.

Теперь стало спокойно.

Передо мной стоял мой муж.

Он изменял мне.

Другая женщина носила его ребенка.

Он хотел оставить ее рядом.

Хотел оставить меня женой.

И главным аргументом было то, что я нужна дому.

Не ему.

Не потому, что он любит меня.

Не потому, что боится потерять.

Не потому, что семь лет значат для него больше четырех месяцев с другой.

Дому.

Системе.

Слугам.

Защитным устройствам.

Фамилии.

— Завтра утром я подам заявление на развод.

— Ты не обязана делать это завтра.

— Знаю.

— Дай себе хотя бы несколько дней.

— Чтобы что изменилось?

— Чтобы мы спокойно обсудили условия.

— Какие условия?

— Имущество. Титул. Твое положение.

— Моего положения больше нет.

— Оно есть, пока мы женаты.

Я посмотрела на браслет.

— Вот именно.

Каэль медленно выдохнул.

— Ты потеряешь многое.

— Возможно.

— Дом.

— Он твой.

— Титул.

— Твой.

— Доход.

— У меня есть доля по брачному договору.

— Ее недостаточно, чтобы жить так, как ты привыкла.

— Значит, отвыкну.

— Ты давно не работала по профессии.

Вот это было намеренно.

Не жестоко.

Но намеренно.

Он хотел вернуть разговор в область расчетов.

Туда, где всегда чувствовал себя сильнее.

— Семь лет.

— Да.

— Я действительно давно не работала.

— Лиара, я не пытаюсь...

— Зато я помню, почему перестала.

Он замолчал.

— В первый год ты сказал, что дому нужна моя помощь.

— Нужна была.

— Потом второй.

— Был сложный период.

— Потом я уже перестала спрашивать.

Каэль смотрел на меня.

— Ты могла вернуться когда угодно.

— Могла.

Я не собиралась перекладывать на него все.

Это было бы слишком удобно.

— И я не вернулась. Это моя часть ошибки.

Он будто немного расслабился.

Напрасно.

— Но сейчас я вернусь.

— Куда?

— Пока не знаю.

Я взяла со стола браслет.

Не надела.

Сжала в ладони.

— У меня будет время разобраться.

Каэль подошел ближе.

— Лиара.

— Что?

— Я не хочу, чтобы ты уходила сегодня.

Я посмотрела на него.

Вот наконец что-то похожее на личное.

Но даже это оказалось недостаточно.

— Почему?

Он открыл рот.

И не ответил сразу.

Этой паузы хватило.

Я улыбнулась.

Не зло.

Скорее устало.

— Вот и я не знаю.

— Это наш дом.

— Нет.

— Семь лет...

— Семь лет не обязывают меня отдавать восьмой.

Он закрыл глаза.

— Ты сейчас уничтожаешь все из-за одной ошибки.

Я почувствовала, как внутри снова поднялась боль.

— Одной?

— Я неудачно выразился.

— Четыре месяца — не одна ошибка. Это много решений.

Встречи. Ложь. Поездки. Письма. Постель. Беременность.

Две недели, за которые ты решил, как устроить жизнь двух женщин и будущего ребенка так, чтобы тебе было удобно.

— Это не ради удобства.

— Тогда ради чего?

Каэль молчал.

— Именно.

За дверью кто-то прошел.

Музыка из зала стала громче.

Прием продолжался.

Я вспомнила гостей.

Слуг.

Весс наверняка уже придумывал третье объяснение нашего отсутствия.

— Мне нужно вернуться в зал.

Каэль удивился.

— Сейчас?

— Да.

— После этого разговора?

— Гости не виноваты.

— Лиара...

— Я готовила прием три недели. Я закончу его.

Это прозвучало так по-старому, что мне самой стало неприятно.

Даже сейчас.

Даже после всего.

Я собиралась выполнять обязанность.

Но разница была.

Последний раз.

— А потом? — спросил Каэль.

— Потом соберу вещи.

— Сегодня?

— Да.

— Куда ты поедешь ночью?

— В городском доме Норвенов есть комнаты.

— Он почти закрыт.

— Откроют.

— Ты можешь остаться до утра.

Я посмотрела на него.

— Не хочу.

Он сжал челюсть.

— Я не приведу Селену в твои комнаты.

— Какая щедрость.

— Перестань.

— Что именно?

— Говорить так, будто я намеренно пытаюсь тебя унижить.

— Я не знаю, что ты намеренно пытаешься сделать. Это и есть проблема.

Каэль подошел к двери.

Я думала, он откроет ее.

Но он остановился.

— Селена не виновата в том, что я не сказал тебе раньше.

Я почувствовала холодное удивление.

— Нет. Она виновата в том, что четыре месяца спала с женатым мужчиной.

Он нахмурился.

— Я говорил ей, что наш брак давно существует только формально.

Несколько секунд я просто смотрела.

— Что?

Каэль понял.

Поздно.

— Я объяснял ситуацию...

— Какую ситуацию?

— Что между нами давно нет близости.

— И поэтому брак формальный?

— Я не сказал, что его нет.

— Ты сказал ей, что он формальный.

— В каком-то смысле...

Я рассмеялась.

На этот раз по-настоящему.

Потому что иначе, наверное, заплакала бы.

— Невероятно.

— Лиара.

— Я семь лет управляла твоим домом. Сидела рядом на каждом семейном ужине. Принимала твоих партнеров. Подписывала счета. Следила за землей. Настраивала защиту. Спала в соседней комнате, потому что ты сам несколько лет назад решил, что так удобнее при твоём графике. И все это для тебя называется формальным браком?

— Я говорил о личной стороне.

— Удобно разделять.

Он выглядел усталым.

Я вдруг поняла, что раньше обязательно пожалела бы.

Спросила, ел ли он.

Устает ли после дороги.

Не заболела ли голова.

Сейчас не спросила и не почувствовала себя виноватой.

— Значит, она ждала развода.

Каэль не ответил.

— А ты не собирался разводиться.

— Я не хотел принимать решение до беременности.

— Теперь беременность есть.

— Да.

— И ты решил оставить все как есть.

— Не все.

— Только жену, любовницу и наследника.

Он отвернулся.

— Я пытаюсь сделать так, чтобы никто не оказался без защиты.

— Ты путаешь защиту и контроль.

— Это несправедливо.

— Возможно.

Я подошла к двери.

— Но завтра это уже будет проблемой моего юриста.

Каэль повернулся.

— Ты серьезно?

— Да.

— После семи лет ты просто уйдешь?

Рука уже лежала на дверной ручке.

Я посмотрела на него.

— Нет, Каэль.

Голос оказался спокойнее, чем я ожидала.

— Я ухожу после четырех месяцев твоей измены, беременности другой женщины и предложения остаться твоей женой, потому что твоему дому нужен мой труд. Семь лет тут ни при чем.

Он молчал.

Я открыла дверь.

Селены в коридоре уже не было.

Хорошо.

Мне не хотелось видеть ее сейчас.

— Лиара.

Я остановилась.

— Что?

Каэль смотрел на меня.

Наверное, хотел сказать что-то важное.

Может быть, впервые за весь разговор.

Но произнес:

— Ты действительно не понимаешь, что потеряешь.

Я медленно разжала ладонь.

Брачный браслет лежал на коже.

Я вернулась к столу.

Положила его рядом с документами.

Каэль смотрел.

— Возможно, — сказала я. — Но теперь я тебе не принадлежу.

Я вышла из кабинета.

В этот раз он меня не остановил.

До зала было меньше минуты ходьбы.

Я успела привести лицо в порядок.

Не полностью.

Достаточно.

Весс заметил меня сразу и подошел.

— Госпожа, второй курс подали. Посол Эрен спрашивал о герцоге.

— Герцог задержится.

— Что-нибудь случилось?

Я посмотрела в сторону большого зала.

Сто восемьдесят четыре гостя.

Свет.

Музыка.

Слуги.

Все, чем я управляла так долго, что перестала замечать, сколько сил на это уходит.

— Да, — сказала я. — Но не сегодня вечером.

Весс ждал распоряжения.

Я дала его.

— Музыкантам передайте, что после десерта можно сделать перерыв. Северную террасу закрыть к десяти, если температура упадет. Послу Эрену скажите, что Каэль подойдет позже сам.

— Да, госпожа.

Я пошла к гостям.

Еще несколько часов я улыбалась, разговаривала и решала

мелкие проблемы.

Никто не узнал от меня, что мой брак закончился в кабинете за стеной.

Каэль появился ближе к девяти.

Один.

Мы встретились взглядами через зал.

Он не подошел.

Я была благодарна.

После полуночи последние экипажи покинули двор.

Весс принес итоговую ведомость.

— Все прошло хорошо.

— Да.

— Вы очень устали.

— Да.

Он помедлил.

— Завтра начать подготовку к приезду восточной делегации?

Я посмотрела на него.

В обычный день я бы открыла расписание.

Уточнила комнаты.

Спросила количество людей.

Проверила меню.

Сегодня ответила:

— Спросите герцога.

Весс застыл.

— Простите?

— С завтрашнего дня вопросами дома занимается Каэль или тот, кого он назначит.

Он смотрел на меня достаточно долго, чтобы понять: речь не о выходном.

— Госпожа...

— Весс.

Я улыбнулась.

Устало.

— Мне нужно собрать вещи.

Он ничего не спросил.

Только кивнул.

— Приказать подготовить экипаж?

Я почти автоматически хотела отказаться.

Не беспокоить.

Не создавать работу ночью.

Потом остановилась.

Мне нужен был экипаж.

Можно было просто попросить.

— Да. Через час.

— Хорошо.

Я поднялась по лестнице в свои комнаты.

Впервые за семь лет не проверила, погасили ли свет в западной галерее.

Не спросила, убрали ли серебро.

Не убедилась, что защитные пластины перешли на ночной режим.

Не заглянула на кухню.

Я просто закрыла за собой дверь.

И начала собирать вещи.

ГЛАВА 1. Развод не освобождает

Утром я проснулась в комнате, которая пахла закрытым домом.

Пылью, старым деревом и холодной тканью.

Норвенский городской дом в Саэре действительно почти не использовали последние годы. После смерти отца сюда приезжали только управляющий и два слуги, следившие, чтобы здание не пришло в полную негодность. Я помнила комнаты детства меньше, чем ожидала. Семь лет оказалось достаточно, чтобы чужой дом стал привычнее собственного.

Я лежала под тяжелым одеялом и несколько секунд не понимала, почему потолок такой низкий.

Потом вспомнила.

Прием.

Селена.

Каэль.

Брачный браслет на его столе.

Экипаж ночью.

Два чемодана, которые я собирала почти механически.

Я закрыла глаза.

Боль никуда не исчезла.

Странно было бы ожидать другого.

За одну ночь невозможно перестать любить семь лет жизни только потому, что выяснилось: человек рядом давно жи-

вет по другим правилам.

Я не знала, люблю ли еще Каэля.

Вчера этот вопрос вообще не возникал.

У меня был муж.

Сегодня был мужчина, который четыре месяца изменял мне и считал разумным оставить меня женой ради дома.

На тумбе лежала записка.

Я узнала почерк управляющего Норвенов.

«Госпожа Лиара, нотариальная палата принимает заявления о расторжении брака с девяти. Экипаж будет готов по вашему распоряжению. Завтрак подадут в малой столовой».

Я села.

Голова сразу отозвалась тупой болью в затылке.

Ничего нового.

Последние два года она появлялась почти каждое утро.

Лекарь советовал больше спать.

Я спала.

Иногда даже восемь часов.

Не помогало.

Сегодня причина была очевидной: почти бессонная ночь, стресс, поздняя дорога.

Поэтому я не стала придавать боли значения.

Встала, умылась холодной водой и долго смотрела на себя в зеркало.

Лицо выглядело хуже, чем хотелось бы.

Светлая кожа стала серее обычного, под глазами тени.

Волосы я собрала без помощи служанки.

В доме Вейров это считалось странным. Здесь никто не вошел в комнату без стука.

Мне понравилось.

Платье выбрала простое темно-синее. Без цветов дома Вейров.

Когда застегнула последнюю пуговицу, заметила пустое правое запястье.

Кожа под браслетом была светлее.

Семь лет золото закрывало эту полосу.

Я провела по ней пальцем и опустила рукав.

В малой столовой горел камин.

За столом стоял завтрак на одного.

Я привыкла есть вместе с Каэлем редко. Он вставал раньше или уезжал. Иногда мы встречались за кофе и почти всегда говорили о делах.

Сегодня одиночество ощущалось иначе.

Я села.

Съела половину яйца.

К хлебу не притронулась.

Чай оказался слишком сладким.

Я отодвинула чашку.

Управляющий Норвенов, господин Мерд, появился через несколько минут.

Я помнила его молодым помощником отца.

Теперь ему было далеко за пятьдесят.

Он поклонился.

— Доброе утро, госпожа.

— Лиара.

Он растерялся.

— Простите?

— Просто Лиара. По крайней мере здесь.

Мерд слегка нахмурился, но спорить не стал.

— Хорошо.

Я показала на стул.

— Садитесь.

Он сел осторожно.

— Я узнал о вашем приезде только ночью.

— Я сама узнала о нем примерно за час до отъезда.

Мерд посмотрел на меня внимательнее, но вопросов не задал.

За это я была благодарна.

— Дом можно привести в нормальное состояние за несколько дней, — сказал он. — Верхний этаж почти закрыт, но ваши прежние комнаты сохранились. Если вы планируете остаться...

— Пока не знаю.

— Конечно.

— Мне нужно понять, сколько денег осталось на счетах Норвенов и что принадлежит лично мне.

Мерд кивнул.

— Ваш приданный счет существует отдельно. Вы почти не

использовали его после брака.

Я невольно усмехнулась.

— Потому что Каэль все оплачивал.

Слова прозвучали горько.

Я не хотела.

Мерд сделал вид, что не заметил.

— По брачному договору после развода вам также полагается денежная доля и часть личных вложений, внесенных в имущество дома Вейров.

— Каких вложений?

— Нужно смотреть документы.

Конечно.

За семь лет я знала счета дома Каэля лучше собственных.

— Можете подготовить список?

— Сегодня.

— Спасибо.

Он встал.

— Экипаж к девяти?

Я посмотрела на часы.

До открытия палаты оставалось меньше часа.

— Да.

Когда Мерд дошел до двери, я спросила:

— Вы знали, что я хотела работать после свадьбы?

Он обернулся.

— Ваш отец говорил.

— Что именно?

— Что вы собирались закончить обучение и поступить в договорную палату.

Я почувствовала неприятный укол.

— А потом?

— Потом вы вышли замуж.

Будто эти два события естественно исключали друг друга.

— Спасибо.

Он ушел.

Через сорок минут я ехала в центральную нотариальную палату Саэра.

Город жил обычной жизнью.

По улицам шли люди.

У остановки магической железной дороги стояла очередь.

Двое студентов спорили возле книжной лавки.

Женщина в зеленом пальто тащила за руку ребенка, который явно не хотел идти туда, куда требовала мать.

Я смотрела из окна экипажа и чувствовала себя человеком, который внезапно вышел из здания, где жил много лет, и обнаружил, что улица все это время существовала.

Саэр не изменился ради моего развода.

Наверное, это было хорошо.

В палате оказалось многолюдно.

Я ожидала отдельного кабинета из-за титула.

Мне его предложили.

Я отказалась.

— Обычное заявление.

Секретарь замешкался.

— Госпожа герцогиня...

— Пока да.

Он покраснел.

— Простите.

— Ничего.

Меня проводили в кабинет специалиста по семейным договорам.

Женщина лет сорока представилась Эллоу Верн и сразу положила перед собой чистые формы.

— Причина расторжения?

— Измена супруга.

Она подняла взгляд.

Не из любопытства.

Скорее проверяя, действительно ли я хочу записать это официально.

— Подтверждение требуется только в случае имущественного спора. Если герцог Вейр не оспаривает расторжение, достаточно вашего заявления.

— Он не сможет отказаться?

— От самого развода — нет. В Лаверне взрослого человека нельзя обязать оставаться в браке.

Простая фраза.

Я услышала ее и почувствовала облегчение сильнее, чем ожидала.

Вчера Каэль сказал: «Нет».

Утром закон сказал: может.

— Хорошо.

Элла продолжила:

— Есть совместные несовершеннолетние дети?

— Нет.

— Спор по собственности?

— Пока не знаю.

— Вы можете расторгнуть брак отдельно, а имущественную часть завершить позже.

— Так и сделаем.

Она заполнила несколько строк.

— Хотите сохранить фамилию Вейр?

Я ответила слишком быстро:

— Нет.

Элла остановила перо.

— Вернуть Норвен?

— Да.

— Титул герцогини прекращается после регистрации развода.

— Понимаю.

— Брачный браслет?

Я посмотрела на пустое запястье.

— Остался у Каэля.

— Это не проблема. Он символический, не юридический.

Еще одна вещь, которой я придавала больше значения, чем она имела.

— Хорошо.

Элла протянула заявление.

Я читала каждую строку.

Медленно.

Наверное, слишком внимательно.

Она не торопила.

В документе было все просто:

я, Лиара Вейр, прошу расторгнуть брак с Каэлем Вейром;

общих детей нет;

имущественные требования будут заявлены отдельно;

фамилию после расторжения меняю на Норвен.

Я взяла перо.

Рука дрогнула.

Совсем немного.

Я подписала.

Лиара Вейр.

Последний раз.

Элла поставила отметку.

— Если герцог подпишет согласие сегодня, запись внесут к вечеру. Если нет, палата отправит уведомление, и брак будет расторгнут через установленный срок независимо от его согласия.

— Сколько?

— Пять рабочих дней.

Пять.

После семи лет это звучало почти смешно.

— Спасибо.

Я уже вставала, когда дверь открылась.

Секретарь заглянул внутрь.

— Госпожа Верн, герцог Вейр прибыл.

Я села обратно.

Конечно.

Каэль вошел через минуту.

Он выглядел так, будто тоже почти не спал.

Темный костюм вместо парадного, волосы убраны назад.

Никакого семейного герба на груди, только обычная булавка.

Его взгляд остановился на мне.

Потом на заявлении.

— Ты уже подала.

— Да.

Элла поднялась.

— Герцог Вейр, если вы хотите подписать согласие...

— Подпишу.

Я ожидала спора и была к нему готова.

Отсутствие сопротивления ударило странно.

Каэль сел на другой край стола.

Элла подала ему копию.

Он прочитал.

— Имущество отдельно?

— Да, — сказала я.

— Хорошо.

Я смотрела на его руки.

Он подписывал документы точно так же, как сотни хозяйственных бумаг дома.

Ни одной лишней секунды.

Каэль Вейр.

Подпись.

Все.

Элла проверила.

— Тогда запись можно внести сегодня. Вам обоим придет подтверждение.

— Спасибо, — сказал Каэль.

Она посмотрела на меня.

— Если хотите, я оставлю вас на несколько минут.

— Не нужно.

Я ответила раньше Каэля.

Он сжал губы.

Элла поняла.

— Хорошо.

Мы вышли в коридор вместе.

Я собиралась уйти.

Каэль остановил меня голосом:

— Лиара.

Я повернулась.

— Что?

— Нам нужно обсудить имущественную часть.

— Через юриста.

— Можно и без него.

— Можно. Но я не хочу.

Люди проходили мимо.

Никто не останавливался, хотя некоторые узнавали Каэля.

Он понизил голос.

— Я подготовил предложение.

— Когда успел?

— Ночью.

Конечно.

— Какое?

— Дом в Саэре на твоё имя. Годовое содержание. Доля из инвестиционного счета. И отдельная оплата за работу с защитными системами.

Я смотрела на него.

Последняя часть была самой важной.

— Какую работу?

— Временную.

— Каэль.

— Пока мы не заменим основные узлы.

— Сколько?

— Несколько месяцев.

— Вчера ты хотел оставить меня женой. Сегодня предлагаешь нанять.

— Ты сказала, что развод окончательный.

— Да.

— Я принял.

Слово «принял» прозвучало так спокойно, что мне снова

стало больно.

Я ненавидела это.

Хотелось, чтобы он страдал заметнее.

Это было бы проще.

— И теперь хочешь продолжить пользоваться моей работой.

— За деньги.

— Разница огромная.

Он нахмурился.

— Я не понимаю, это сарказм или согласие.

— Сарказм.

— Лиара, я не прошу тебя работать бесплатно.

— Ты семь лет не считал это работой.

Каэль замолчал.

— Вчера ты сам сказал, что я выбрала заниматься домом.

— Да.

— Сегодня уже готов платить.

— Потому что теперь ситуация другая.

— Теперь я больше не жена.

— Именно.

Мне стало неприятно, насколько логично он это произнес.

— Значит, труд жены бесплатный.

— Я не это сказал.

— Но именно так жил.

Каэль выдохнул.

— Хорошо. Это было неправильно.

Я посмотрела на него.

Первое прямое признание.

Без «но».

— Поздно.

— Возможно.

— Защитные системы наймут мастеров.

— Они не справятся сразу.

— Справятся.

— Не так быстро.

— Это проблема дома Вейров.

— Там живут люди.

Вот тут он попал.

Каэль увидел.

— Слуги. Рабочие. Семьи на хозяйственных землях. Если центральная сеть начнет отключаться...

— Не надо.

— Это правда.

— И именно поэтому нужно было ремонтировать ее раньше.

— Я знаю.

— Нет. Вчера не знал.

Он замолчал.

Я почувствовала, как снова начинает ныть затылок.

— Я не буду принимать решение в коридоре.

— Хорошо.

— Пусть твой управляющий пришлет список проблем мо-

ему юристу.

— Какому?

Я почти ответила: у меня нет юриста.

Потом вспомнила.

— Найду.

Каэль смотрел несколько секунд.

— Если ты согласишься помочь, я оплачу работу по ставке приглашенного мастера высшей категории.

Я неожиданно рассмеялась.

— Я даже не знаю, сколько это.

— Узнаешь.

— Да.

Вот это было новое.

Я узнаю.

Сама.

— До свидания, Каэль.

— Лиара.

— Что еще?

Он явно хотел сказать не про деньги.

Но снова выбрал знакомое.

— Если тебе понадобится что-нибудь из дома, скажи Вессу.

Я посмотрела на него.

— Хорошо.

И ушла.

На улице было холоднее.

Я остановилась у ступеней палаты и вдруг поняла, что не знаю, куда ехать дальше.

Дом Норвенов был временным.

Работы у меня не было.

Собственные дела последние семь лет ограничивались счетом приданого, который я почти не трогала.

До вчерашнего вечера мой день был расписан на недели вперед.

Сегодня после десяти утра у меня не было ни одной обязанности.

Свобода оказалась удивительно похожа на пустоту.

Я стояла у дороги, пока кучер не подошел.

— Госпожа?

— Да.

— Куда едем?

Я открыла рот.

И не знала.

Потом вспомнила имя.

Эстель Маррен.

Я не видела ее семь лет.

Возможно, она давно ушла из практики.

Возможно, вообще не захочет со мной разговаривать.

Но когда-то именно она сказала мне:

«Если собираетесь работать с договорами, учитесь читать то, что люди пытаются спрятать между строк».

Я тогда была двадцатилетней студенткой и считала Эстель

самым неприятным преподавателем в Саэре.

Через несколько лет поняла, что она была лучшей.

— Дом свободных договоров, — сказала я.

Кучер уточнил:

— На улице Меррен?

— Если он еще там.

— Там.

Я села в экипаж.

Дом свободных договоров оказался меньше, чем я помнила.

Трехэтажное каменное здание между банком и мастерской магических замков.

На фасаде висела темно-зеленая вывеска.

Никакой роскоши.

В окне первого этажа стояли стопки папок.

Я вошла.

За стойкой сидел молодой мужчина с чернильным пятном на пальце.

— Добрый день.

— Добрый.

— Мне нужна Эстель Маррен.

— По какому делу?

Я замялась.

— Личному.

Он посмотрел на меня внимательнее.

Наверняка узнал.

Новости в Саэре распространялись быстро.

— Ваше имя?

Я почти сказала привычное.

Остановилась.

— Лиара Норвен.

Первый раз вслух.

Странно.

Хорошо.

Мужчина записал.

— Подождите.

Через несколько минут открылась дверь внутреннего кабинета.

Эстель Маррен совсем не изменилась.

Это было неправдой, конечно.

В волосах стало больше серебра, лицо резче, на носу появились очки.

Но выражение оставалось тем же.

Она посмотрела на меня сверху вниз.

— Семь лет.

— Да.

— И вы решили появиться без письма.

— Да.

— Значит, случилось что-то очень плохое или очень глупое.

Я невольно улыбнулась.

— И то и другое.

Эстель перевела взгляд на мое пустое запястье.

— Заходите.

Кабинет был почти таким, каким я его помнила по университету.

Стол.

Три шкафа.

Кресло для клиента.

Куча документов.

Только теперь на стене висела лицензия Дома свободных договоров.

Эстель села.

Я тоже.

— Говорите.

— Я развожусь.

— Уже знаю.

Я моргнула.

— Быстро.

— Ваша фамилия сегодня с утра ходит по половине нотариальных кабинетов.

— Приятно.

— Вы хотели сочувствия?

— Нет.

— Тогда продолжайте.

Я рассказала.

Не все.

Измена.

Беременность Селены.

Предложение Каэля оставить брак.

Его слова о доме.

Мое заявление.

Предложение оплачивать работу с защитной системой.

Эстель слушала молча.

Ни разу не перебила.

Когда я закончила, спросила:

— Чего вы хотите от меня?

Вот этот вопрос снова.

Но от нее он звучал иначе.

— Работу.

Эстель сняла очки.

— Какую?

— Здесь.

Она молчала так долго, что я начала чувствовать себя глупо.

— Вы семь лет не практиковали.

— Знаю.

— Ваш сертификат начального специалиста давно требует подтверждения.

— Знаю.

— Современные формы договоров изменились.

— Изучу.

— Вы не работали с клиентами.

— Работала с поставщиками, арендаторами и управляю-

щими.

— Это не то же самое.

— Знаю.

Эстель прищурилась.

— Вы повторяете «знаю» так, будто это решает проблему.

— Нет.

— Хорошо.

Она надела очки обратно.

— Почему вы хотите работать именно здесь?

Я подумала.

— Потому что семь лет назад хотела заниматься договорами.

— Такая причина была у вас в двадцать четыре года.

— А сейчас я не знаю, чего хочу.

Ответ вырвался раньше, чем я решила, можно ли говорить правду.

Эстель не смягчилась.

Но взгляд стал внимательнее.

— Уже лучше.

— Чем?

— Чем красивая речь о возвращении к призванию.

Я усмехнулась.

— Такой речи у меня пока нет.

— И не нужно.

Она открыла ящик.

Достала тонкую папку.

— У меня нет места для специалиста.

Сердце опустилось.

— Понятно.

— Зато вчера ушла помощница.

Я подняла глаза.

— Помощница?

— Зарплата маленькая. Работа скучная. Копии, регистрация, проверка форм, подготовка выписок. Иногда общение с клиентами под контролем старшего специалиста.

— Я согласна.

— Я еще не закончила.

— Простите.

— Испытательный срок месяц.

— Хорошо.

— Если будете опаздывать из-за герцогских приемов, увольню.

— Приемов больше не будет.

— Если попытаетесь пользоваться фамилией бывшего мужа, увольню.

— Не буду.

— Если решите, что раз умеете управлять большим домом, то лучше моих сотрудников знаете нотариальную работу, увольню.

Я улыбнулась.

— Это начинает звучать привлекательно.

Эстель впервые едва заметно улыбнулась в ответ.

— Завтра в восемь.

— Завтра?

— Хотели работу.

— Да.

— Или собирались сначала неделю страдать красиво?

— Нет.

— Тогда завтра.

Она протянула мне форму временного найма.

Я прочитала ее полностью.

Эстель заметила.

— Хотя что-то помните.

— Вы научили.

— Я учила не подписывать, пока не прочтете.

Перо остановилось над строкой.

Я вспомнила утро.

Брачный договор.

Каэль.

Сколько страниц я читала семь лет назад?

Все.

Я была уверена.

Но читала ли каждое приложение?

Вопрос возник и исчез.

Сейчас не время.

Я подписала форму.

Лиара Норвен.

На этот раз рука не дрогнула.

Эстель забрала документ.

— Зарплату получите через две недели.

— Хорошо.

— И еще.

— Да?

— Снимите отдельное жилье.

Я удивилась.

— Почему?

— Потому что если вы останетесь в доме семьи, очень скоро начнете считать это временным состоянием.

— Он принадлежит Норвенам.

— Вот именно. Вы хотите снова жить своей жизнью или просто перейти из дома мужа в дом отца?

Я открыла рот.

Закрыла.

— Вы все еще ужасный человек.

— Зато последовательный.

— Я подумаю.

— Сделайте.

Я вышла из конторы почти через час.

На улице стало теплее.

Я впервые за последние сутки почувствовала не облегчение и не боль.

Интерес.

Завтра в восемь у меня была работа.

Настоящая.

С маленькой зарплатой.

На должности помощницы.

После семи лет управления герцогским домом.

Это казалось правильным.

К вечеру подтверждение развода пришло в дом Норвенов.

Мерд принес документ лично.

Я сидела в библиотеке и просматривала список квартир, которые можно было снять рядом с Домом свободных договоров.

— Госпожа...

Он остановился.

— Лиара.

— Да.

— Запись внесли.

Он положил лист передо мной.

«Брак между Каэлем Вейром и Лиарой Норвен расторгнут».

Все.

Семь лет в одной строке.

Я прочитала.

Потом еще раз.

— Спасибо.

Мерд не уходил.

— Вы хотите, чтобы сегодня приготовили что-нибудь особенное?

Я подняла взгляд.

— В честь развода?

Он смутился.

— Я имел в виду...

— Нет.

Я улыбнулась.

— Обычный ужин.

— Хорошо.

Он ушел.

Я осталась с документом.

Ждала слез.

Они пришли позже.

Не сразу.

Я сложила лист, убрала в папку и продолжила смотреть объявления о жилье.

Заплакала через двадцать минут из-за совершенно нелепой квартиры на улице Рен.

В объявлении было написано:

«Два окна, собственная кухня, отдельный счет за отопление».

Отдельный счет.

Я читала эти слова и плакала.

Тихо.

Зло.

Не из-за счета.

Потому что впервые за семь лет выбирала место, где буду жить сама.

На следующий день я пришла в Дом свободных договоров в семь сорок.

Эстель увидела меня и сказала:

— Не привыкайте. За ранний приход не платят.

— Доброе утро и вам.

— Вот ваш стол.

Он оказался в проходной комнате между архивом и приемной.

Небольшой.

С царапиной на краю.

На нем лежало семь папок.

— Это что?

— Работа.

— Уже?

— Вы ожидали цветы?

— Нет.

— Отлично.

Первые три часа я делала копии.

Потом проверяла даты.

Потом искала в реестре старое наследственное обязательство.

Я ошиблась дважды.

Первый раз открыла не тот раздел.

Второй — перепутала новый код формы со старым.

Эстель ничего не сказала.

Просто вернула бумагу красной отметкой.

К обеду я ненавидела современную систему регистрации.

К трем часам начала вспоминать, почему когда-то любила эту работу.

Документы не были сухими.

За каждой строкой стоял человек.

Кто кому должен.

Кто что обещал.

Кто на что согласился.

И кто потом пытался доказать, что обещал совсем другое.

В четыре я заметила, что руки снова дрожат.

Слабо.

Я положила перо.

Скорее всего, устала.

Эстель проходила мимо.

Остановилась.

— Что с вами?

— Ничего.

— Плохой ответ.

— Голова болит.

— С утра?

— Да.

Она посмотрела на руки.

— Часто?

— Последние годы.

— Лекаря видели?

— Несколько.

— Что говорят?

— Усталость.

— И вы решили устроиться ко мне, чтобы отдохнуть.

— Пока не помогает.

Эстель нахмурилась.

— Магию сегодня использовали?

— Нет.

— Совсем?

Я подумала.

— Нет.

Она подошла ближе.

— Дайте руку.

— Зачем?

— Хочу проверить рабочий контур.

Я протянула.

Эстель не была лекарем.

Но каждый специалист по договорным устройствам умел проводить базовую проверку нагрузок.

Она надела тонкую металлическую пластину на мое запястье и активировала измеритель.

Индикатор загорелся.

Сначала ровно.

Потом одна линия ушла в сторону.

Эстель нахмурилась.

— Еще раз.

— Что?

— Молчите.

Она повторила измерение.

Результат тот же.

— Вы точно сегодня не подключались ни к одному устройству?

— Точно.

— В доме Норвенов?

— Нет.

— Договорные печати?

— Нет.

— Защитные сети?

— Нет.

Эстель сняла пластину.

— Тогда почему у вас активный расход?

Я посмотрела на индикатор.

— Какой расход?

— Постоянный.

— Не понимаю.

— Я тоже.

Она достала другой измеритель.

Старше.

Сложнее.

Подсоединила к моей ладони две тонкие пластины.

— Сейчас ничего не делайте.

Я стояла.

Индикатор медленно заполнился.

Часть потока действительно уходила наружу.

Не много.

Но стабильно.

— Куда? — спросила я.

— Сейчас попробуем понять.

Эстель повернула кольцо на приборе.

Линия отклонилась к северо-западу.

Я почувствовала холод.

— Там дом Вейров.

Эстель посмотрела на меня.

— Вы уверены?

— Да.

— Насколько далеко?

— За городом. Северо-западная дорога.

Она повторила проверку.

Линия снова указала туда.

— После развода такое возможно? — спросила я.

— Если действует отдельное обязательство.

— Оно не должно.

— «Не должно» и «не может» — разные вещи.

Я вспомнила Каэля в коридоре палаты.

«Твой дар подходит системе лучше большинства мастеров».

Ориана.

Каэль сослался на отца: полное прекращение моего участия якобы создаст серьезную нагрузку.

Вчера это звучало как разговор о моих навыках.

Теперь — иначе.

— У меня было соглашение, — сказала я. — На обслуживание защитных систем во время брака.

— Срок?

— До прекращения брака.

— Точно?

— Да.

Эстель посмотрела на меня поверх очков.

— Вы читали окончательную версию?

Вопрос задел.

— Конечно.

— Все приложения?

— Думаю, да.

— Думаете?

Я замолчала.

Семь лет назад.

Стол нотариуса.

Каэль рядом.

Ориан напротив.

Десятки страниц.

Условия по имуществу.

Доступ к семейным устройствам.

Право представительства.

Список приложений.

Я помнила подписи.

Но некоторые технические документы подавали позже.

Регистрация.

Печати.

Акты доступа.

— Не знаю, — сказала я.

Эстель стала серьезнее.

— Тогда сначала нужен полный комплект брачного договора из государственного архива.

— Можно запросить сегодня?

— Да.

— Давайте.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы сейчас сотрудница этой конторы и одновременно сторона спора. Запрос сделает другой специалист.

Я нахмурилась.

— Это обязательно?

— Если хотите, чтобы потом никто не заявил, что вы сами меняли документы.

Разумно.

Неприятно.

Но разумно.

— Хорошо.

Эстель позвала старшего специалиста, господина Кейна.

Он оформил запрос.

Ответ пришел быстрее, чем ожидалось.

Уже на следующий день после обеда.

Пакет был толстым.

Слишком толстым.

Мы закрылись в кабинете Эстель.

Кейн остался как независимый сотрудник.

Я смотрела на документы.

Основной брачный договор.

Моя подпись.

Подпись Каэля.

Имущественный раздел.

Сроки.

Приложение о доступе к защитным устройствам.

Вот оно.

Я наклонилась.

«На период действия брака Лиара Вейр получает право технического обслуживания семейных защитных систем...»

Все правильно.

Ниже еще одна ссылка.

Приложение семь.

Я не помнила седьмое приложение.

Эстель перевернула страницу.

Нашла.

Страница была заверена официальной печатью.

Текст начинался безобидно:

«В целях сохранения безопасности семейных объектов после изменения статуса брачного союза...»

Я читала дальше.

С каждым абзацем становилось холоднее.

После прекращения брака я обязана была еще десять лет предоставлять дому Вейров регулярную профессиональную настройку и стабилизацию ключевых защитных систем.

Без отдельной оплаты.

Объем определялся технической необходимостью.

Прекращение возможно только после полной замены оборудования или по решению суда.

Внизу стояла подпись.

Моя.

Я смотрела на нее.

— Нет.

Эстель ничего не сказала.

— Нет.

Кейн спросил:

— Вы уверены?

— Я этого не подписывала.

Подпись была похожа.

Очень.

Наклон.

Петля в фамилии.

Короткий штрих в конце.

Я могла бы поверить.

Если бы не содержание.

— Я отказалась от такого условия.

Эстель повернулась.

— Когда?

— На первом обсуждении договора. Ориан предлагал длительное обслуживание после развода. Я сказала нет.

— Письменно?

— Не помню.

— Нужно найти проект.

— Он может быть у меня.

— Где?

— В старых учебных бумагах. Или у вас.

Эстель замерла.

— У меня?

— Вы помогали мне читать первый проект.

Она несколько секунд смотрела на меня.

Потом встала.

Открыла архивный шкаф.

— Я храню старые учебные материалы слишком долго.

— Семь лет?

— Я храню некоторые двадцать.

Она начала перебирать коробки.

Через десять минут нашла папку.

Мое имя.

Лиара Норвен.

Я почувствовала, как ускорился пульс.

Эстель достала старый проект.

Первые страницы совпадали почти полностью.

Потом нашлось условие о десяти годах.

Перечеркнуто.

Красной линией.

Рядом мой почерк:

«Не согласна. Только на срок брака».

Эстель положила оба документа рядом.

— Это уже важно.

— Значит, подпись под приложением поддельная.

— Не спешите.

— Я отказалась.

— А потом могли изменить решение.

— Не меняла.

— Я верю, что вы так помните. Суду потребуется больше.

Я закрыла глаза.

— Конечно.

Кейн сказал:

— Здесь нужен официальный инспектор.

— Из Палаты договоров, — ответила Эстель.

Я посмотрела на них.

— Почему?

— Потому что мы уже видим возможное нарушение регистрации. Если приложение добавили без вашего согласия, речь не только о семейном споре.

— А о чем?

— О подделке или превышении полномочий доверенного лица.

Я почувствовала знакомую боль в затылке.

Теперь она раздражала особенно сильно.

— Кто будет расследовать?

Кейн посмотрел на Эстель.

Она явно знала ответ.

— Не знаю, кого назначат.

Назначили на следующее утро.

Он пришел ровно в девять.

Секретарь провел его в общий кабинет.

Я была за своим маленьким столом и как раз переписывала форму, которую Эстель вернула мне третий раз.

Мужчина остановился у стойки.

Высокий.

Серое пальто.

Темные волосы с серебристой прядью у виска, которую сначала можно было принять за седину.

Но ему было явно не больше тридцати пяти.

На воротнике — знак Королевской палаты договоров.

Драконья металлическая пластина на запястье отливала холодным серебром.

Он назвал имя:

— Рейнар Кастен.

Я подняла голову.

Имя знала.

Большие договорные споры.

Семейные фонды.

Несколько громких дел с поддельными наследственными приложениями.

Эстель вышла из кабинета.

— Господин Кастен.

— Госпожа Маррен.

Они обменялись короткими приветствиями.

Потом Рейнар посмотрел на меня.

Не на пустое запястье.

Не на одежду.

Прямо в лицо.

— Госпожа Норвен?

— Да.

— Мне передали материалы вашего заявления.

— Быстро.

— Палата любит документы, которые могут оказаться поддельными.

— Полезная привычка.

В его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Очень быстро.

— Мне понадобится ваше полное объяснение.

— Конечно.

— И доступ к вашему рабочему контуру для измерения внешней нагрузки.

Я напряглась.

Он заметил.

— Только с письменного согласия. Можно отказаться.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Тогда согласна.

— Не сейчас.

— Почему?

— Сначала я объясню, что именно измеряем и какие данные попадут в дело.

Я замолчала.

Эстель едва заметно подняла бровь.

Рейнар достал папку.

— И еще один момент.

— Какой?

— Пока мы не проверили происхождение приложения, я не считаю установленным, что вы не соглашались на него.

Раздражение пришло сразу.

— У нас есть проект с моим отказом.

— Вижу.

— И моя подпись под окончательным приложением.

— Тоже вижу.

— Поддельная.

— Возможно.

— Вы мне не верите?

Рейнар спокойно ответил:

— Я не обязан верить ни вам, ни дому Вейров.

Я почувствовала, как внутри все сжалось.

Он продолжил:

— Я обязан проверить обе версии.

— Какие именно?

— Первая: приложение добавили без вашего согласия.

— А вторая?

— Вы согласились позже, а теперь после развода хотите признать условие недействительным.

Я встала.

— Вы серьезно?

Эстель сказала:

— Лиара.

— Нет, пусть объяснит.

Рейнар не отступил.

— Это стандартная версия проверки.

— Очень удобно.

— Для кого?

— Для Вейров.

— Их документы я буду проверять так же.

— Вы вообще понимаете, что десять лет бесплатной работы записали на мое имя?

— Понимаю.

— Тогда почему я должна доказывать, что не согласилась?

— Потому что под документом стоит подпись, визуально похожая на вашу.

Я смотрела на него.

Он не был груб.

Это раздражало сильнее.

— Хорошо.

— Что именно?

— Проверяйте.

— Собираюсь.

— И Вейров тоже.

— Обязательно.

Я села.

Рейнар открыл папку.

— Начнем с семилетней давности.

— Прекрасно.

— Кто присутствовал при подписании основного договора?

Я назвала.

Каэль.

Ориан.

Нотариус.

Два свидетеля.

— Кто готовил приложения?

— Канцелярия Вейров и нотариальная палата.

— Вы давали кому-нибудь доверенность на регистрацию?

Я задумалась.

— Ориану.

— На какие действия?

— Подать документы после церемонии. Получить заверенные копии. Зарегистрировать доступ к семейным устройствам.

Рейнар поднял взгляд.

— Формулировку помните?

— Нет.

— Это важно.

— Почему?

— Потому что если доверенность была широкой, приложение могло быть подано через нее.

— Но не подписано за меня.

— Зависит от текста.

Я почувствовала холод.

— Вы хотите сказать, что моя настоящая подпись могла вообще не понадобиться?

— Я хочу сказать, что сначала нужно увидеть доверенность.

Он сделал отметку.

— Господин Вейр знал о десяти годах?

Я открыла рот.

Не знала, что ответить.

Каэль вчера явно знал, что дом зависит от меня после развода.

Но знал ли точный пункт?

— Не уверена.

— Он говорил о нем?

— Нет.

— Отец?

— Тоже нет.

— Тогда пока не будем приписывать им знания, которых

не можем подтвердить.

Я сжала пальцы.

— Вы всегда такой?

— Какой?

— Невыносимо точный.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Совсем немного.

— На работе стараюсь.

— Очень успешно.

— Спасибо.

— Это не был комплимент.

— Я понял.

Эстель кашлянула.

— Вы двое можете продолжить профессиональное знакомство после того, как перестанете мешать моей конторе работать?

Я посмотрела на нее.

— Он обвиняет меня.

— Нет, — сказал Рейнар.

— Вы только что предложили версию, где я сама согласилась.

— Это не обвинение. Это версия.

— Для человека внутри дела разница небольшая.

Он стал серьезнее.

— Понимаю.

Ответ оказался неожиданным.

— Но если я отброшу неудобную версию только потому, что она вам неприятна, любое решение потом развалится в суде.

Я помолчала.

Он был прав.

От этого легче не стало.

— Хорошо.

— Тогда продолжим?

— Да.

Рейнар достал из папки форму согласия на измерение.

Положил передо мной.

— Сначала прочитайте.

Я посмотрела на него.

Потом на Эстель.

Она явно наслаждалась ситуацией.

— Что?

— Ничего, — сказала она. — Просто рада видеть, что хоть кто-то здесь помнит мои методы.

Я прочитала форму полностью.

Только после этого подписала.

Рейнар подготовил прибор.

— Измерение займет несколько минут. Я не буду входить в структуру вашего дара глубже, чем необходимо для определения направления и объема нагрузки.

— Больно?

— Нет.

— Опасно?

— При вашей текущей нагрузке — нет.

— «Текущей»?

— По предварительным данным она небольшая, но постоянная.

Я протянула руку.

Рейнар коснулся только измерительной пластиной.

Не кожей.

Прибор включился.

Я почувствовала знакомое легкое давление в запястье.

Линия медленно заполнилась.

Рейнар нахмурился.

— Сколько? — спросила я.

— Пока рано.

Он переключил режим.

Подождал.

Потом еще раз.

— Ну?

— Внешний отвод подтверждается.

— К Вейрам?

— Направление совпадает с северо-западным контуром дома.

— Объем?

— Нужно сравнение с вашими обычными показателями.

— У меня их нет.

— Тогда сделаем несколько измерений в разные часы.

— Насколько все плохо?

Он посмотрел на меня.

— Я не знаю.

Мне понравился этот ответ.

Не «все будет хорошо».

Не «ничего страшного».

Не «не волнуйтесь».

Просто не знает.

— Но, — добавил он, — после юридического прекращения брака такая постоянная нагрузка требует отдельного действующего основания.

— И если его нет?

— Тогда кто-то продолжает пользоваться вашей работой незаконно.

— А если основание — это приложение?

— Тогда будем выяснять, законно ли оно появилось.

Он снял пластину.

Я потеряла запястье.

— Сколько это займет?

— Не обещаю быстро.

— Я и не просила быстро.

Рейнар собрал прибор.

— Хорошо.

— Что дальше?

— Доверенность. Оригиналы регистрационных журналов. Подтверждение времени подачи приложения. Проверка

вашей подписи и печати.

— А дом Вейров?

— Получит запрос сегодня.

— Каэль?

— Как сторона договора — да.

Мне стало неприятно.

Но я согласилась.

Рейнар закрыл папку.

— До получения документов я рекомендую не подключаться к системам Вейров добровольно.

Я усмехнулась.

— Как удачно. Я как раз собиралась туда не возвращаться.

— Госпожа Норвен.

— Что?

— Если они попросят временную помощь из-за угрозы безопасности, не соглашайтесь устно.

Я посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что через неделю мы будем спорить, было ли это добровольной услугой, продолжением старой обязанности или признанием приложения.

Вот теперь я поняла, почему Эстель не возражала против него.

— Только новый договор.

— Отдельный.

— Срок.

- Конкретный.
- Оплата.
- Обязательно.
- Право прекратить работу.
- Да.

Все условия были на месте.

- Кажется, мы все-таки умеем разговаривать.
- Иногда.

Рейнар встал.

- Я свяжусь с вами, когда получу доверенность.
- Хорошо.

Он ушел.

Я смотрела на закрывшуюся дверь.

Эстель подошла к моему столу.

- Даже не начинайте.
- Что?
- Вы сейчас собираетесь сказать, что он неприятный.
- Он неприятный.
- Он хороший инспектор.
- Это не отменяет первого.
- Идите работать.

Я посмотрела на семь папок.

- Вы совершенно не умеете поддерживать людей.
- Зато плачу зарплату.
- Через две недели.
- Вот видите. Уже запомнили.

Я взяла верхнюю папку.

Перо снова легло в руку.

Голова все еще болела.

Внешний поток все еще уходил к дому Вейров.

Юридически я была свободна.

На бумаге мой брак закончился.

Но где-то за городом старые защитные устройства продолжали пользоваться моей работой, будто ничего не произошло.

Я посмотрела на свою новую подпись в журнале помощника.

Лиара Норвен.

Потом на пустое запястье.

Развод оказался только первым документом.

Освободиться полностью было сложнее.

ГЛАВА 2. Дом свободных договоров

На третий рабочий день я впервые поняла, почему Эстель называла помощников расходным материалом.

К десяти утра у меня лежало девять папок.

К одиннадцати их стало двенадцать.

К полудню я уже ненавидела четыре вида регистрационных форм, два новых правила по наследственным обязательствам и человека, который придумал печатать номер приложения таким мелким шрифтом, что его приходилось искать почти вплотную к странице.

— Вы опять смотрите на эту страницу так, будто она лично вас оскорбила, — заметила Эстель, проходя мимо моего стола.

Я подняла лист.

— Она нарушает порядок нумерации. Здесь должен быть другой код.

Эстель протянула руку.

— Дайте.

Я отдала документ.

Она перевернула его и постучала ногтем по строке внизу.

— Вы работаете со старой редакцией формы.

Я посмотрела туда, куда она показывала.

Прошлогодняя дата.

— У нас в архиве старая форма лежит рядом с новой?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы новые сотрудники привыкали читать не только заголовок.

Я медленно подняла глаза.

— Вы положили ее туда специально?

— Конечно.

Эстель вернула мне лист.

— Переделайте. И в следующий раз сначала проверяйте дату редакции, потом начинайте злиться на систему.

— Я уже почти закончила.

— Значит, во второй раз пойдет быстрее.

На соседнем столе тихо засмеялся Кейн.

Я повернулась к нему.

— Хотите что-то добавить?

Он сразу принял серьезный вид.

— Ни в коем случае. Просто вспомнил свой первый месяц.

— И что было с вами?

— Мне дали три устаревшие формы подряд.

— А мне одну.

— Значит, вас здесь любят больше.

Эстель даже не обернулась.

— Если будете обсуждать степень моей любви, получите

еще по две формы каждый.

После этого мы оба замолчали.

Дом свободных договоров оказался совсем не похож на университетские кабинеты, которые я помнила.

Там все выглядело аккуратно.

Стол стоял ровно.

Документы появлялись в учебной последовательности.

Клиент всегда предоставлял полную информацию, потому что существовал только в задаче.

Настоящие люди вели себя хуже.

Они забывали даты, путали суммы, теряли бумаги, называли одно и то же имущество тремя разными словами, скрывали бывших супругов и искренне не считали семейный долг долгом, если деньги когда-то дал родственник.

А потом удивлялись, почему нотариус задает столько вопросов.

Мне это неожиданно нравилось.

Не все.

Заполнять реестр выданных копий я ненавидела.

Зато нравилось видеть, как из спутанной истории постепенно получается понятная структура.

Кто кому должен.

Что подписал.

Когда.

На каких условиях.

Что можно прекратить.

Что придется исполнить.

Где человек действительно связан обязательством, а где просто привык думать, что связан.

Я узнавала старое чувство.

То, ради которого когда-то поступила учиться.

Работа требовала внимания.

Не услужливости.

Не красивого приема.

Не знания того, какой гость с кем поссорился пять лет назад.

Внимания к тексту.

К человеку.

К последствиям.

В полдень Эстель положила передо мной новую папку.

— Через двадцать минут придет клиентка. Это дело будете разбирать вы.

Я посмотрела на нее.

— Самостоятельно?

— Под контролем Кейна. Я не настолько потеряла рассудок.

Кейн перестал улыбаться.

— Почему именно я?

Эстель повернулась к нему.

— Потому что вы с утра слишком довольны жизнью. Нужно восстановить равновесие.

Он тяжело вздохнул.

Я открыла папку.

На обложке значилось:

«Тария Лем. Прекращение семейной гарантии».

— Хотя бы термин мне знаком, — сказала я.

— Потрясающее достижение, — отозвалась Эстель и ушла к себе.

Кейн придвинул стул.

— Что видите?

— Тария Лем, тридцать девять лет. Восемь лет назад вместе с братом взяла заем на расширение семейной мастерской. Основную сумму получил брат, она выступила вторым гарантом. Два года назад вышла из семейного дела, но гарантия осталась. Теперь хочет открыть собственную мастерскую, а банк не дает новый кредит из-за старого обязательства.

— Пока верно.

Я продолжила читать.

— В договоре есть условие, по которому один из гарантов может выйти, если оставшийся долг не превышает шестидесяти процентов стоимости заложенного оборудования. По последней оценке не превышает.

Кейн ничего не сказал.

Я подняла голову.

— Почему вы молчите?

— Жду, что будет дальше.

— Ситуация выглядит вполне понятной.

— Именно поэтому я бы насторожился.

— Вы все здесь заранее ждете подвоха?

Он усмехнулся.

— Нет. Мы просто знаем, что люди почти никогда не приносят идеальное дело в аккуратной папке.

Я вернулась к документам.

Договор займа.

Соглашение гарантов.

Сроки.

Текущая задолженность.

Последние платежи.

Просрочек не было.

— Дополнительных соглашений не вижу.

— Пока не видите.

— Вы знаете, где проблема?

— Возможно.

— И не скажете?

— Нет. Иначе вы будете искать именно ее, а не проверять дело целиком.

Я вздохнула.

— Эстель действительно вас испортила.

— Безнадежно.

Дверь приемной открылась.

Тария Лем оказалась невысокой женщиной с прямой спиной, усталым лицом и очень хорошим серым пальто.

Она сразу положила на стол еще одну папку.

— Я принесла все, что удалось найти дома.

После слов Кейна слово «все» уже не успокаивало.

— Добрый день. Лиара Норвен, помощник специалиста.

Я буду собирать материалы по вашему делу, а господин Кейн проверит итоговые документы.

Кейн кивнул.

Тария посмотрела на меня с легким сомнением.

— Вы недавно здесь?

— Да.

Я решила не делать вид, что это не так.

— Но ваше заявление без проверки никуда не уйдет.

Кажется, такой ответ ее устроил.

Я открыла основную папку.

— Вы хотите полностью прекратить свою гарантию по семейному займу?

— Да. Я уже два года не имею отношения к мастерской, а долг все еще висит на мне.

— Брат знает, что вы хотите выйти?

Тария поморщилась.

— Говорит, что ему все равно.

— У вас есть его письменное согласие?

— Нет.

— Оно не обязательно, если выполнены условия самого договора.

Она заметно расслабилась.

— Тогда хорошо.

Я продолжила:

— После того как вы вышли из мастерской, вы подписывали какие-либо дополнительные соглашения с банком или поставщиками?

— Нет.

— Оборудование, которое находится в залоге, не продавали?

— Насколько я знаю, нет.

— Новых долгов, связанных с этой же мастерской, не появилось?

Тария ответила не сразу.

Пауза была короткой.

Еще вчера я, возможно, не обратила бы внимания.

Сегодня обратила.

— Нет, — сказала она.

Я не стала спорить.

— Хорошо. Тогда еще один вопрос. В папке есть только первоначальный заем. Вы уверены, что никаких дополнительных обязательств не было вообще?

Тария нахмурилась.

— Мы говорим именно об этом займе. Поэтому я принесла документы по нему.

Это звучало логично.

Ответ меня удовлетворил, и я перешла к процедуре.

Мы еще пятнадцать минут обсуждали, какие формы нужны и как проходит прекращение гарантии.

Когда Тария ушла, я повернулась к Кейну.

— Теперь можете сказать, что я пропустила.

Он поднял бровь.

— С чего вы взяли, будто что-то пропустили?

— Потому что весь разговор вы выглядели так, будто за-
ранее знаете, чем он закончится.

— У меня просто неприятное лицо.

— Кейн.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Дополнительных банковских долгов у мастер-
ской действительно нет.

Я облегченно выдохнула.

— Тогда все нормально.

— Не совсем.

— Разумеется.

Он открыл страницу с оценкой оборудования.

— Кто сейчас собственник мастерской?

Я посмотрела.

Владельцами значились брат Тарии и их мать.

— Тарии здесь нет.

— Уже два года.

— Она же сказала, что вышла из дела.

— Сказала. Но как именно?

Я стала искать документ.

Его в папке не было.

— Здесь нет передачи доли.

— Вот именно.

— Значит, нужно запросить.

— И спросить надо было сразу.

Неприятно.

Но справедливо.

— Хорошо. Спрошу.

Кейн постучал пальцем по другому листу.

— Теперь посмотрите на дату оценки залога.

Я посмотрела.

Восемь месяцев назад.

И только тогда вспомнила правило.

— Для выхода из гарантии оценка должна быть не старше трех месяцев.

— Да.

Я закрыла глаза на секунду.

— Продолжайте. Полагаю, это еще не все.

— Не все.

— Я уже начинаю вас ненавидеть.

— Это нормальная стадия обучения.

Я просмотрела примечания к оценке.

На третьей странице нашла нужную строку.

— Часть оборудования арендованная.

— И включена в общую стоимость.

— Но не может считаться залогом.

— Верно.

Я откинулась на спинку стула.

— То есть фактическая стоимость обеспечения может быть ниже нужного порога, оценка устарела, а мы даже не знаем, как Тария вышла из собственности.

— Теперь картина ближе к реальной.

Я посмотрела на уже начатую форму заявления.

— А я собиралась подготовить ее сегодня.

Кейн забрал лист и сложил пополам.

— Поэтому сначала проверяем, потом обещаем клиенту простую жизнь.

— Я не обещала простую жизнь.

— Почти.

— Спасибо за очень деликатное уничтожение моего профессионального самолюбия.

— Эстель сделала бы это громче.

Она появилась в дверях будто по заказу.

— Что именно я сделала бы громче?

Я показала папку.

— Я чуть не начала оформлять прекращение гарантии по старой оценке, не проверив передачу доли и состав залога.

Эстель посмотрела на меня.

— Почему?

Я уже знала, что красивый ответ не поможет.

— Хотела показать, что быстро разобралась.

— Вот это уже полезнее, чем «дело казалось простым».

Она взяла папку, пробежала взглядом по отметкам.

— Что будете делать дальше?

— Запрошу новый документ о передаче доли, свежую оценку и отдельно проверю реестр залогового имущества. Еще уточню у банка, не менялись ли условия займа после выхода Тарии.

Эстель вернула папку.

— Теперь похоже на работу.

Она развернулась к двери.

— Клиентке позвоните сами.

— Конечно.

— И не пытайтесь сделать вид, что задержка произошла не из-за нас.

— Не буду.

Когда она ушла, я посмотрела на Кейна.

— Это считалось похвалой?

— От Эстель? Почти нежностью.

Я позвонила Тарии сама.

Она ответила быстро.

— Уже готово?

— Нет. И как раз поэтому звоню.

Тария ответила не сразу.

— Но вы сказали, что договор позволяет снять гарантию.

— Позволяет, если выполнены условия. Я должна была сразу уточнить, что часть документов нужно обновить, а состав залога проверить отдельно.

— Значит, заявление сегодня не подадим?

— Нет.

Тария раздраженно выдохнула.

— Я специально взяла выходной.

Моя первая реакция была привычной: срочно придумать, как компенсировать неудобство.

Но обещать то, чего я не знала, было бы еще одной ошибкой.

— Понимаю. Если завтра принесете документ о передаче доли, мы сразу запросим новую оценку. Обычно это занимает два-три дня, но точный срок зависит от оценщика.

— Банк ждет до конца недели.

— Я укажу, что дело срочное. Но обещать результат к пятнице не стану, пока не увижу все документы.

Тария помолчала.

— Хорошо.

— И еще нужно проверить оборудование в залоге.

— А с ним что не так?

Я объяснила.

На этот раз пауза была длиннее.

— Там действительно есть два станка, которые принадлежат не брату.

— Вот поэтому нам нужна новая оценка.

Тария вздохнула.

— Простите. Я не думала, что это имеет значение.

— Вы и не обязаны знать все юридические последствия. Для этого и существует проверка.

Когда разговор закончился, Кейн кивнул.

— Уже лучше.

— Потому что я не соврала клиентке?

— Потому что не попытались исправить собственную ошибку новым обещанием.

— Запомню.

— Надеюсь.

После обеда пришел Рейнар.

На этот раз я заметила его еще через окно.

Серое пальто.

Папка под рукой.

Тот же спокойный шаг человека, которому никто не возвращал регистрационную форму три раза за одно утро.

Наверное, именно поэтому я сразу почувствовала раздражение.

Он вошел, поздоровался с секретарем и только потом посмотрел в мою сторону.

— Госпожа Норвен. Судя по вашему лицу, день проходит удачно.

— Исключительно. Уже успела узнать, что половина моих профессиональных знаний устарела.

— Тогда день действительно полезный.

— Вы удивительно умеете поддерживать.

— Я стараюсь не обещать лишнего.

Эстель выглянула из кабинета.

— Если закончили обмен любезностями, господин Ка-стен, заходите. Лиара тоже.

Я поднялась.

— Как сторона дела или снова как возможная преступница?

Рейнар спокойно ответил:

— Как сторона дела. Если появятся основания для второго, я сообщу отдельно.

— Очень утешает.

— Я не пытался утешить.

— Это заметно.

Эстель открыла дверь шире.

— В кабинет. Оба.

На столе уже лежали копии моего брачного договора из государственного архива.

Рейнар добавил еще одну папку.

— Дом Вейров ответил на запрос.

Я села.

— Без сопротивления?

— Герцог предоставил все, что мы запросили на этом этапе.

— Что именно?

— Их экземпляры брачного соглашения и приложений, доверенность, внутренние журналы доступа к защитным устройствам и подтверждения регистрации.

Эстель спросила:

— Оригиналы?

— Основной договор хранится в государственной палате.

Семейный экземпляр приложения пока предоставлен в заверенной копии, но оригинал они готовы передать на экспертизу.

Рейнар положил передо мной лист.

— Начнем с доверенности.

Я сразу узнала подпись.

Эту я ставила сама.

Семь лет назад.

Я прочитала текст медленно.

«Представлять интересы Лиары Норвен при окончательной регистрации брачного договора, передаче приложений, получении заверенных копий, регистрации доступа к семейным магическим устройствам и совершении необходимых технических действий, непосредственно связанных с оформлением брака».

Я перечитала последнюю часть.

— Вот эта формулировка и создает проблему?

— Одну из них.

— «Необходимые технические действия» могли включать добавление нового обязательства?

Рейнар покачал головой.

— По моему предварительному мнению, нет. Новое десятилетнее обязательство нельзя считать техническим действием, потому что оно меняет объем ваших обязанностей.

Я почувствовала облегчение.

Он тут же добавил:

— Но нам придется проверить судебную практику тех лет и правила палаты на момент регистрации.

Я посмотрела на него.

— Вы действительно не способны оставить человеку хороший ответ хотя бы на минуту?

— Способен. Но потом этот хороший ответ может рассыпаться в суде.

Эстель усмехнулась.

— Мне он нравится.

— Я уже поняла.

Рейнар открыл второй документ.

— Есть еще внутренний журнал Вейров.

Технические записи.

Даты доступа.

Мои подписи.

Я узнавала почти каждую отметку.

Северная линия.

Западный корпус.

Склад.

Оранжерея.

Главный дом.

Семь лет моей жизни в коротких строках.

— Что именно мы ищем? — спросила я.

— Момент, когда вашу работу начали учитывать как постоянную поддержку системы.

Он показал дату.

Через два месяца после свадьбы.

— Я тогда перенастраивала центральный блок после зимнего сбоя.

— Помните хорошо?

— Да. Две недели почти каждый день работала с системой.

— После этого вас зарегистрировали как постоянного специалиста дома.

— Это нормально. Я там жила.

— Нормально на срок брака.

Он пролистал несколько страниц.

После даты нашего развода запись не закрыли.

Напротив нее стояла отметка:

«Продолжение согласно приложению семь».

Я долго смотрела на строку.

— Значит, технический отдел точно знал, что это приложение существует.

— Да.

— Каэль подписывал такие журналы?

— Нет. Они шли через технический комитет.

— Кто его возглавлял?

Рейнар показал имя.

Ориан Вейр.

— До какого времени?

— До передачи части полномочий Каэлю четыре года назад.

Я провела пальцем по краю стола.

— Значит, Ориан точно знал.

Рейнар помолчал.

— Он участвовал в регистрации системы и руководил комитетом, который ссылался на приложение. Это очень сильное основание считать, что знал. Но в официальном заключении я пока сформулирую осторожнее.

— Конечно. «Вероятно».

— Вы начинаете привыкать.

— Не обольщайтесь.

Он почти улыбнулся.

Потом достал еще один лист.

— Теперь подпись.

Дом Вейров прислал собственную копию приложения.

Тот же текст.

Те же десять лет.

Подпись, похожая на мою.

Я наклонилась ближе.

— Она такая же, как в архиве.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Государственная копия сделана с зарегистрированного документа. Семейная — с другого экземпляра. Они не являются одной фотокопией. То есть подпись нанесена отдельно на каждом.

Я почувствовала, как похолодели руки.

— Две мои подписи?

— Визуально очень похожие.

— Но я не подписывала ни одного такого приложения.

— Это и будем проверять.

— Если человек сумел подделать две подписи, значит, он очень хорошо знал мой почерк.

— Или имел доступ к вашим старым образцам.

— У Вейров их было достаточно.

— Именно.

Рейнар положил рядом три подтвержденные подписи того же периода.

Я смотрела.

Разница почти не бросалась в глаза.

— Даже я не вижу.

— Для этого есть эксперты.

— А печать?

— Использована ваша временная договорная регистрационная пластина.

Я вспомнила ее.

Небольшая металлическая печать, выданная на период оформления брака.

— Она не заменяет подпись.

— Не заменяет. Но подтверждает, что документ был подан как исходящий от вас.

— Где пластина сейчас?

— По журналу ее вернули в палату через неделю после

регистрации.

— Кто?

Он перевернул страницу.

Ответ я уже знала.

— Ориан.

— Да.

Эстель сняла очки.

— То есть у него была доверенность, ваша регистрационная пластина и возможность подать приложение.

— Именно, — сказал Рейнар. — Вопрос в том, какие полномочия он действительно имел и кто изготовил сами подписи.

Я смотрела на бумаги.

— Но если он не имел права добавлять новое обязательство, зачем вообще подпись подделывать?

Рейнар ответил не сразу.

— Чтобы документ выглядел не как действие по доверенности, а как ваше прямое согласие.

Вот это уже звучало плохо.

Эстель спросила:

— Следующий шаг?

— Экспертиза подписи, архив регистрации и журнал приема документов. Нужно установить, кто физически принес приложение и кто его принимал.

Я сжала пальцы.

— Семь лет назад.

— Если архивы не уничтожены по сроку хранения, записи будут.

— А если уничтожены?

— Будем искать косвенные источники.

— Очень обнадеживает.

— Зато честно.

Он достал измерительный прибор.

— Мне нужно повторить проверку нагрузки.

— Сейчас?

— Если вы согласны.

— В прошлый раз уже проверяли.

— Одного измерения недостаточно. Нужен профиль в разное время суток.

Он положил передо мной форму.

— Снова согласие?

— На каждое измерение отдельно.

Я посмотрела на него.

— Это обязательно?

— Да. Доступ к вашему рабочему контуру не должен становиться автоматическим только потому, что однажды вы разрешили его проверить.

Я замолчала.

Фраза прозвучала буднично.

Но попала слишком точно.

— Хорошее правило.

— Именно поэтому я его соблюдаю.

Я прочитала форму и подписала.

Рейнар закрепил две пластины на запястье.

— Ничего специально не делайте.

— В прошлый раз я тоже ничего не делала.

— В прошлый раз вы пытались следить за потоком.

Я посмотрела на него.

— Вы заметили?

— Да.

— Невыносимый человек.

— Это уже второй раз за три дня.

— Значит, наблюдение подтверждается.

Индикатор начал заполняться.

Рейнар смотрел на значения.

Эстель — на него.

Я — на обоих.

— Ну?

Он не ответил сразу.

— Нагрузка выше, чем вчера утром.

— Сильно?

— Примерно на шестую часть.

— Почему?

— Пока не знаю.

— Может быть, в доме Вейров сейчас подключено больше устройств?

— Возможно.

— То есть мой расход меняется в зависимости от того, что

они там включают?

Рейнар снова посмотрел на показатели.

— Пока данные именно на это указывают.

Мне стало холодно.

— Но я ничего не делаю.

— Сознательно — нет.

— Тогда как это вообще возможно?

— Ваша стабилизирующая функция могла быть закреплена в системе как резервная поддержка. В таком случае она включается автоматически при росте нагрузки.

— Без моего участия.

— Да.

Я посмотрела на свою руку.

— И я могла семь лет не понимать, сколько сил на это уходит?

— Теоретически да.

— Это могло вызывать мои головные боли и постоянную усталость?

Рейнар снял взгляд с прибора.

— Может быть связано. Но я не лекарь и не стану утверждать, что причина только в этом. Вам нужна медицинская проверка.

Конечно.

Никаких красивых ответов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.